

ской наукѣ. Такимъ образомъ, не все была здѣсь уродливость или ненужность; напротивъ, была большая доля положительно необходимаго для цѣлой экономіи національнаго развитія. И, вспоминая судьбу русскаго образованія въ прошломъ вѣкѣ, мы найдемъ тамъ не только предковъ Онѣгина, какъ ихъ изобразилъ г. Ключевскій, но и предковъ благороднѣйшихъ дѣятелей русской литературы и просвѣщенія въ нашемъ вѣкѣ. Эти предки (это исторически извѣстно), также бывали въ разладѣ съ порядками русской жизни; въ ихъ положеніи также бывалъ несомнѣнный трагизмъ, потому что ихъ мысль и чувство, воспитанныя въ болѣе высокомъ уровнѣ идей, часто не могли мириться съ окружающей обстановкой, и у нихъ безсильно опускались руки за невозможностью измѣнить эту печальную обстановку. Но исторія едва ли можетъ осудить ихъ за этотъ разладъ, потому что онъ говорилъ не о безплодномъ отчужденіи этихъ людей отъ своего народа, но свидѣтельствовалъ о зародившемся идеалѣ, которому предстояло развиваться все далѣе, распространяться все на большее число людей въ обществѣ, съ надеждой осуществиться нѣкогда для блага этого самаго народа. Не эти люди были уродливостью, но имъ самимъ приходилось страдать отъ болѣе обширныхъ вывиховъ и искривленій, которыхъ, къ сожалѣнію, произошло не мало въ теченіе нашей исторіи...

Мы, впрочемъ, говоримъ это не въ примѣненіи именно къ Онѣгину, а для того, чтобы устранить ту односторонность, которую генеалогія, построенная г. Ключевскимъ, можетъ бросить вообще на людей первой четверти столѣтія и частію на Онѣгина.

Что касается пушкинскаго героя, то, намъ кажется, онъ еще нуждается въ окончательномъ изслѣдованіи. При всѣхъ оговоркахъ, какія дѣлаетъ г. Ключевскій о прелестныхъ подробностяхъ романа, самый герой видимо представляется ему большой пошлостью и ничтожествомъ. Нѣкогда въ этомъ смыслѣ воспользовался именемъ Онѣгина Костомаровъ, когда, характеризуя Константина Аксакова, противопоставлялъ его народныя увлеченія отступничеству отъ народности, которое обозначилъ именемъ пушкинскаго героя. Нѣчто совершенно иное, въ отношеніи къ Онѣгину, мы встрѣтимъ у Бѣлинскаго, до котораго, вѣроятно, доходили отголоски первыхъ впечатлѣній, произведенныхъ этимъ романомъ. То отрицаніе, которое кажется г. Ключевскому и казалось Костомарову столь поверхностнымъ и даже пошлымъ, въ глазахъ Бѣлинскаго и вообще прежней критики, видимо, не было столь безсодержательно и неосновательно. Онѣгинъ представлялся Бѣлинскому типомъ свѣтскаго человѣка съ тѣми чертами, какія